

АМАНДА

ЛИНДАУТ

ГОРЬКИЕ, ПОТРАСАЮЩИЕ
УМ И ДУШУ ВОСПОМИНАНИЯ
ЖУРНАЛИСТКИ,
КОТОРАЯ ПРОВЕЛА
460 ДНЕЙ
В ПЛЕНУ
У СОМАЛИЙСКИХ
ИСЛАМИСТОВ.

PUBLISHERS WEEKLY

1 СРЕДИ
БИОГРАФИЙ
И МЕМУАРОВ.

AMAZON

И САРА КОРБЕТТ

ДОМ В НЕБЕ

Аманда Линдаут

Дом в небе

«Центрполиграф»

2013

Линдаут А.

Дом в небе / А. Линдаут — «Центрполиграф», 2013

В 2008 г. канадская журналистка Аманда Линдаут и австралийский фотограф Найджел Бреннан отправились в Сомали, чтобы готовить репортажи из этой «горячей точки» Африканского континента. По дороге в лагерь беженцев недалеко от Могадишо они были захвачены в плен вооруженным отрядом исламских фундаменталистов. После освобождения Аманда в соавторстве с Сарой Корбетт издала мемуары о выпавших на ее долю испытаниях. Это горький рассказ о 460 днях страданий и насилия, но также преодоления страха и боли. Книга получила широкую прессу и горячий читательский отклик по всему миру.

© Линдаут А., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Мой мир	8
Глава 2. «Дринк»	16
Глава 3. Путешествие	20
Глава 4. Она существует	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аманда Линдаут, Сара Корбетт

Дом в небе

© 2013 by Amanda Lindhout and Sara Corbett

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Пролог

*Я завтракаю в сгоревшем доме.
Хотя нет ни дома, ни завтрака.
Но я все же есть.*

Маргарет Этвуд.
Утро в сгоревшем доме

Каждому дому, куда нас привозили, мы давали название. В одних мы жили месяцами, в других проводили пару дней или часов. Был Дом, Где Делают Бомбы, Электрический Дом, Дом Побега – приземистая бетонная коробка, под окном которой иногда трещали автоматные очереди, а порой мать тихим нежным голосом напевала ребенку колыбельную. Из Дома Побега нас спешно перебросили в Безвкусный Дом, в спальню с кроватью под покрывалом в цветочек, с деревянным комодом, уставленным различными лаками и гелями для волос, где, судя по сердитому голосу хозяйки, нас совсем не ждали. Так что вскоре мы отправились дальше.

Переезды из дома в дом всегда случались внезапно, в темноте, в самые глухие ночные часы. Втолкнув нас на заднее сиденье универсала «судзуки», наши похитители на бешеной скорости мчались по шоссе, по мягкому песчаному бездорожью в пустыне, мимо одиноких акаций, темных деревень. Все происходило в молчании. Мы не знали, где находимся, куда едем. В окне мелькали мечети, освещенные ночные рынки, караваны верблюдов, группки воинственных подростков с пулеметами, сидящих вокруг костра у дороги. Никто не обращал на нас внимания. Впрочем, мы были с головой закутаны в шарфы, как и наши стражи, и даже при желании невозможно было бы разглядеть наши лица.

Очередной дом обыкновенно находился в глуши, в какой-нибудь богом забытой деревне, где мы – я, Найджел, банда молодчиков и их командир, капитан средних лет, – жили как в тюрьме, скрытые от посторонних глаз высокими стенами из бетона или ржавого железа. Приехав на место, капитан открывал ворота, и вооруженные мальчики, как мы их называли, быстро осматривали все комнаты, запирали нас где-нибудь и шли отдохнуть, помолиться, отлить и поесть. Иногда они выходили во двор и боролись.

Они – это Хассам, сын муллы, Джамал, разлученный с невестой влюбленный, благоухающий одеколоном, и Абдулла, обычный садист. А также Юсуф, Яхья-младший, Мохаммед-младший, Адам, который звонил моей маме в Канаду с угрозами и требованиями выкупа, и Мохаммед-старший, казначей шайки, по прозвищу Дональд Трамп. Капитана Яхью мы прозвали Скидс («тормоз»). Это он однажды вывез меня ночью в пустыню и равнодушно наблюдал, как другой бандит готовится перерезать мне горло зазубренным ножом. Был еще Ромео, которого ждала аспирантура в Нью-Йорке, но сначала он хотел жениться, и почему-то на мне.

Пять раз в день мы молились, распростершись на полу, о недостижимых для нас райских кущах, которые каждый представлял по-своему. Наверное, будь мы с Найджелом чужими людьми, мне было бы легче переносить все испытания. Но я знала его дом, его постель, я помнила лица его сестры и друзей, я была когда-то в него влюблена. Я хорошо представляла себе, о чем он может просить, и потому мне было тяжело вдвойне.

Если в округе начинались перестрелки между враждующими бандами, снаряды рвались слишком близко, то мальчики снова грузили нас в машину, звонили куда-то и перевозили в другое место.

Иной раз мы натывались на призрачные останки жизни прежних обитателей дома: забытая под кроватью детская игрушка, старая кастрюля, свернутый пыльный ковер в углу. Был Темный Дом, где случились самые ужасные вещи, Пустынный Дом в самом сердце пустыни и Позитивный Дом – не дом, а целый дворец, где мы ненадолго воспрянули духом.

Однажды мы очутились в большом южном городе, в квартире на втором этаже. Мы слышали гудки машин, крики муэдзина, сзывающего людей в мечеть, чувствовали запах жареной козлятины с уличных лотков по соседству. Доносились голоса покупательниц из лавки на первом этаже, прямо под нами. Найджел, обросший бородой и исхудавший, видел из окна своей комнаты тонкую серебристую полосу вдали – Индийский океан. Близость океана, звуки городской жизни равно утешали нас и мучили. Допустим, нам удастся выбраться на улицу, но что дальше? Можно ли надеяться на помощь местных жителей? Не продадут ли они нас другим бандитам – все-таки мы враги, да такие, что дорого стоят.

Мы были лишь винтиком в сложной запутанной международной транзакции, частью священной войны, мелким обстоятельством в большой проблеме. Я думала о том, что сделаю, если мне повезет остаться в живых. Я обещала себе свозить маму в путешествие, помогать другим людям, попросить прощения у всех, кого обидела, и найти свою любовь. Мы были так близко, и все-таки вне досягаемости для внешнего мира. Именно тогда я впервые испугалась, что эта история останется нерассказанной, потому что некому будет ее рассказать. Я исчезну без следа, как исчезает мелкая воронка в потоке речной воды, как карандашная линия под ластиком. Я была уверена, что здесь, в глубине Сомали, в этой неизведанной и разрушенной войной земле, нас никогда не найдут.

Глава 1. Мой мир

В детстве я имела твердое представление об окружающем мире. Верила, что в нем нет ничего уродливого и опасного, но полно необычных и жутко интересных вещей, настолько привлекательных, что так и тянет повесить их на стену в рамке. Ну еще бы, ведь свои сведения я черпала из старых выпусков журнала «Нэшнл джиографик», продающихся по двадцать пять центов штука в магазине секонд-хенд на нашей улице. Этих журналов с колоритными фотографиями под золотистой обложкой у меня накопилась целая стопка. Я держала их на тумбочке рядом с кроватью и читала при всяком удобном случае, особенно когда у нас в квартире становилось слишком шумно и хотелось отвлечься. Мир накатывал на меня, праздничный, блестящий, как серебристая волна, что оmyвает набережную в Гаване, или сверкающие под солнцем снежные склоны в Аннапурне. Мир был племенем пигмеев-лучников в Конго и зеленой геометрией чайных садов в Киото. Он был катамараном под желтым парусом, плывущим среди айсбергов в Северном Ледовитом океане.

Мне было девять лет, и я жила в городке Силван-Лейк, на берегу плейстоценового озера длиной шесть миль, в штате Альберта. Если долго-долго ехать от нас по бурой канадской прерии к югу, то рано или поздно увидишь на горизонте знаменитые небоскребы Калгари, к северу – нефтяные вышки Эдмонта, а если к западу – Скалистые горы. В июле и августе город наводняли приезжие. Они плавали на лодках или рыбачили, забрасывая удочки прямо с крыльца арендованных коттеджей. В центре города была пристань, маяк и парк развлечений. Туристы катались на гигантской спиральной водяной горке и бегали в лабиринте из раскрашенной фанеры. Все лето в городе не смолкал детский смех и жужжание моторных лодок.

В Силван-Лейк мы поселились недавно. Раньше мы жили в Ред-Дире, соседнем городке в пятнадцати минутах езды отсюда, но потом мои родители развелись, и мама решила перевезти меня и моих двоих братьев в Силван-Лейк. С нами приехал Рассел, ее бойфренд, и его младший брат Стиви. Нас часто навещала многочисленная родня Рассела. В дни зарплаты съезжались его дядьки и кузены, устраивали вечеринки и оставались у нас еще на несколько дней, оккупируя нашу гостиную. Я помню их объятые сном лица, их длинные смуглые руки, свешивающиеся во сне с наших кресел. Мама называла Рассела и его родню «нейтивы», а люди в городе говорили, что они индейцы. Мы занимали одну из квартир в доме на четыре семьи, с крутой крышей и потемневшими от времени деревянными балконами. Квартира находилась в полуподвале, куда редко заглядывало солнце. Из наших узких окошек был виден лишь кусочек парковки и зеленый мусорный ящик.

Мама, любившая все яркое, броское, повесила в нашей новой ванной штору цвета морской волны, а свою кровать застелила канареечным покрывалом. В гостиной у старого дивана стоял ее велотренажер. Люди часто засматривались на мою маму. Она была высокая и стройная, с короткими темными волосами, пышными благодаря химической завивке. На ее худом лице влажно блестели большие карие глаза, выдававшие в ней чувствительную романтическую натуру, подверженную внушению. Пять дней в неделю она надевала белое платье с красным кантом и уезжала в Ред-Дир, где работала кассиром в супермаркете «Фуд-Сити». Вечером она возвращалась, везя целую упаковку сока, который покупала со скидкой, положенной сотрудникам. Мы клали пакеты в морозильник и после школы ели сок ложками, как мороженое. Иногда она привозила остатки выпечки в пластиковой коробке, датские булочки и липкие эклеры, оплывшие после целого дня лежания на витрине. А еще видеокассеты из проката, которые мы никогда не возвращали.

Рассел не имел постоянной работы. Время от времени он заключал контракт сроком на несколько недель или месяцев с фирмой «Хай Три», где ему поручали обрезать деревья вблизи линий электропередач за городом. Он был тощий, как гончая, носил темные волосы до

плеч, украшая их по бокам перьями. В свободное время Рассел щеголял в алых или бирюзовых рубашках тонкого шелка. На его левом предплечье синела самодельная татуировка в виде птицы, раскинувшей крылья, – орел или, возможно, феникс. Краска начинала стираться, превращаясь в синеватое пятно, и казалось, что кожа в этом месте принадлежит другому человеку, гораздо старше. Расселу было двадцать один год, а моей маме – тридцать два.

Рассела мы узнали задолго до того, как он стал маминым бойфрендом. Когда ему было тринадцать, наши семьи столкнулись по воле злой судьбы и христианской добродетели. Он вырос в резервации Санчайлд по соседству. Сначала исчез его отец, затем мать погибла в автокатастрофе. Мои дед с бабкой, жившие на ферме, летом устраивали лагерь для детей из резервации и в конце концов усыновили Рассела и четверых его младших братьев. К тому времени их родные дети, в том числе моя мама, успели разъехаться, но им хотелось снова почувствовать себя родителями, и индейские мальчишки дали им этот шанс.

Мой дедушка работал сварщиком, а бабушка была торговым агентом фирмы «Тапперуэр», производящей пластиковые контейнеры для пищевых продуктов. Этих контейнеров она продавала больше, чем все другие агенты, вместе взятые, – по крайней мере, в Центральной Альберте, – о чем свидетельствовали отчеты продаж и служебный минивэн у дома.

Итак, несколько лет они возили мальчишек в церковь, в школу, на хоккей, на легкую атлетику и в кружок плетения в местный индейский культурный центр. Когда им случалось подраться, бабушка не вмешивалась, лишь, бывало, со вздохом отсылала их во двор. Она прощала их, когда они воровали у нее деньги. Прощала, когда они грубили ей. Шло время, дети выросли. Один поступил в колледж, остальные устроились в резервации и в Ред-Дире. И никто не мог предугадать, даже, наверное, сам Господь Бог, что их замужня дочь, мать троих детей, навещавшая ферму лишь по праздникам, влюбится в Рассела.

Она звала его Расс. Она стирала ему и любила целовать его у всех на виду. Он часто дарил ей розы. В раннем детстве я считала его кем-то вроде дальнего родственника, но теперь, когда он жил в нашем доме, отношение к нему изменилось. Он был не ребенок и не взрослый, не родня и не чужак. Он демонстрировал нам приемы кикбоксинга в гостиной, он ел чипсы, сидя на нашем диване. Иногда он дарил нам подарки. Однажды принес мягкие игрушки для меня и моего младшего брата Натаниэла.

«Милая семейка», – говорила о нас бабушка. Мой старший брат Марк был другого мнения. «Семейка придурков», – бурчал он.

Я была в резервации у родни Рассела не больше двух раз в жизни, потому что мой отец был против, считая, что это опасно. Кузены Рассела жили в бараках у грязной дороги. Они угощали нас сладкими лепешками, тягучими, как резина. Мы играли со сверстниками, которые не учились в школе и пили пиво, пряча банки в коричневые бумажные пакеты. Куда бы мы ни приходили, везде на стенах были вмятины размером с кулак. Мне было знакомо это явление – у нас дома такие оставлял Рассел на внутренней стене из гипсокартона.

Мне порой казалось, что моя мама, сойдясь с индейцем, бросала вызов своим бывшим одноклассникам, детям белых родителей, большинство которых по-прежнему жили в городе. Мама уехала из дому в шестнадцать лет, в двадцать родила Марка. Рассел привнес в ее жизнь новизну, экзотику – молодой, симпатичный, родом из резервации, считающейся у белых опасным местом, населенным нищими грязными дикарями. Мама носила серьги из бисера и ездила в белом хетчбэке. На переднем стекле у нее болтался пернатый ловец снов – амулет, который, как верят индейцы, защищает спящего от злых духов.

Стоит также упомянуть, что мой отец, ее первая любовь, тот самый парень, что на фотографиях держит в роддоме ее новорожденных детей, внезапно объявил себя геем. У него в доме поселился друг – молодой спортсмен с аккуратно подстриженной бородкой, по имени Перри. Когда мы приходили навестить отца, Перри возил нас в бассейн, а тем временем отец, который никогда не умел готовить, сооружал нам холостяцкий обед: нарезка из ветчины, свер-

нутая трубочкой, сырная нарезка, ломтик хлеба и листик сельдерея. Из раза в раз все четыре пищевые группы неизменно присутствовали на наших тарелках.

Отец начал новую жизнь. Они с Перри устраивали вечеринки, он записался в колледж на курсы специалистов по реабилитации умственно отсталых, чтобы помогать другим людям. Мама тем временем трудилась над собственной реабилитацией – читала книги из серии «Помоги себе сам» и старалась не пропускать «Шоу Опри Уинфри».

Вечером Рассел, налив в стаканчик рисового виски из большой бутылки, усаживался на диван перед телевизором. Мама садилась рядом и клала ноги ему на колени. Когда на экране появлялся какой-нибудь смазливый коп или просто аккуратно причесанный молодой человек, Рассел спрашивал, тыча в него пальцем:

– А ведь он красавчик, правда, Лори?

Это было знакомое начало.

– Я уж знаю, – продолжал Рассел, глядя на маму, – что он в твоём вкусе. Тебе бы хотелось, чтобы такой был рядом.

Все молчали. Лицо человека на экране, казалось, приобретало более агрессивное, злобное выражение.

– Так, Лори? Об этом ты думаешь?

Мама отвечала ласковым голосом. Рассел уже ломал ей кости. Она потом не один день провела в больнице. Мы пристально смотрели на экран, чувствуя, как электризуется воздух в гостиной. Она слегка сжимала руку Рассела и говорила:

– Нет, милый, что ты.

Марку уже исполнилось тринадцать, он был почти взрослый. Носил всклокоченную причёску маллет и куртку из вытертой джинсы. Он был склонен к уединению, подолгу бродил в одиночестве, вооружившись своей любимой рогаткой из прочного пластика. Натаниэлу было шесть. Из-за кисты на нижнем правом веке он выглядел букой. Мама и Рассел сюсюкали с ним, называли его «крошка» и «малыш». Ночью он спал на кровати внизу, прижимая к себе игрушечного кролика. Я ходила по пятам за Марком, точно шлюпка за лодкой.

– Давай-ка поглядим, что там внутри, – предложил Марк однажды, показывая на зелёный мусорный ящик возле нашего дома.

Это было несколько недель спустя после приезда в Силван-Лейк. Стоял погожий сентябрьский денек. Мы возвращались из школы. Я училась в четвертом классе, а Марк в шестом. Друзей у нас пока не было. Местные дети, видя, что мы бедны, отнеслись к нам равнодушно.

Марк взялся за край ящика, подтянулся и прыгнул внутрь. Секунд через пятнадцать из ящика показалась его голова. Лицо покраснело от возбуждения, в руке он сжимал пустую бутылку из-под пива «Лабатт».

– Или сюда, Аманда, – позвал брат, размахивая бутылкой, – здесь деньги!

Наш огромный мусорный ящик служилместилищем отходов для жителей всей округи. Каждую среду приезжал грузовик, чтобы опорожнить его себе в кузов. Этот ящик стал для нас чем-то вроде бассейна в закрытом клубе. Его внутренности, даже в холодные октябрьские дни, были сырые и осклизлые, как куча гнилых листьев, и воняли прокисшим молоком. Мы ползали среди переполненных мусором полиэтиленовых мешков, откуда вытекала и вываливалась разная дрянь, и наши голоса гулко отдавались в железных стенках ящика. Вскрыв мешок, Марк принимался разбирать его содержимое. Банки и бутылки он швырял в траву под нашим окном, а прочие ценные находки – мелочь, старую губную помаду, пузырьки из-под пилюль, фломастеры – совал в задний карман или отдавал мне. Однажды он выудил из мусора пушистый розовый свитер, который пришелся мне впору. Марк передернул плечами от негодования:

– Боже, эти люди совсем рехнулись!

Банки и бутылки мы собирали в пакеты и тащили в лавку, где принимают пустую посуду. От нас несло тухлятиной и прогорклым пивом, но это было нам нипочем. За двадцать банок давали доллар. В пакете «Фуд-Сити» помещалось пятнадцать банок. Один пакет – это пятнадцать банок по пять центов штука, итого семьдесят пять центов. Два пакета – полтора бакса, четыре пакета – три. Деньги мы делили поровну. Вот это арифметика! Куда там школьным урокам! Солидные бутылки весом шестьдесят унций – шестидесяти! как называл их Рассел, – стоили целое состояние. В лавке одна такая шла за два доллара. Чистое золото, а не бутылки.

Со временем мы начали путешествовать, осваивать новые территории к северу и югу от нашей улицы. В районах, где каждая семья жила в отдельном бунгало, мы регулярно навещали пять-шесть мусорных ящиков. Чем дороже жилье, тем лучше мусор. И чего только не выбрасывают люди, даже не самые богатые! Просто не верится, что можно взять и выбросить куклу просто потому, что у нее оторвана рука, или исправную видеокассету с хорошим фильмом! Помню, я нашла пустой бумажник из коричневой кожи с позолоченной застёжкой, а в другой раз – чистый белый носовой платок с вышитыми на нем героями мультфильмов. Я несколько лет хранила эти находки, положив аккуратно свернутый платочек в бумажник – как напоминание о том, что мне предстоит найти еще много красивых вещей.

Почти все свои деньги, вырученные от продажи посуды, я оставляла в магазине секонд-хенд у озера. Внутри он напоминал тесный и темный кроличий садок. Там продавалась подержанная одежда, фарфоровые безделушки и литературный хлам, что помогает туристу убить время в отпуске, – толстые триллеры Тома Клэнси и вся Даниэла Стил. Журналы «Нэшнл джиографик» стояли на полке в дальнем углу – частокол золотистых корешков. Они заворовили меня с первого взгляда. Я стала лихорадочно скупать их, беря по два-три выпуска сразу. Дома я упивалась фотографиями замшелых древних храмов в Анкгоре и скелетов, найденных под пеплом Везувия. Если я видела заголовок «Что угрожает лесам Швейцарии?», я должна была немедленно прочесть статью и узнать, что же им угрожает. Нет, не то чтобы я не любила комиксы «Арчи» – самые свежие выпуски лежали в другом углу магазина. Я тоже листала их, с интересом разглядывала вызывающие одежки Вероники, распутной дочери миллионера, и изучала их диалоги с честной и милой Бетти с задорным хвостом, узнавая, в общем, много нового. Но комиксы я держала в ящике, а «Нэшнл джиографик» складывала на тумбочку в спальне. К Дню благодарения у меня собралось около двух дюжин. Иногда я раскладывала их веером, как на журнальном столике, – я видела такое дома у детей побогаче, в моей прежней школе и у дяди Тони, брата отца. Он, будучи человеком состоятельным, выписывал журналы. Ночью, сидя у себя на втором ярусе, я с трепетом впитывала новые знания о мире. Оказывается, на свете есть венгерские ковбои, австрийские монахини, парижанки, брызгающие волосы лаком перед тем, как выйти на улицу, китайские кочевники, сбивающие йогурт в йогуртовое масло, палестинские дети, живущие в палатках из мешковины, а где-то в Балканских горах есть медведь, который умеет танцевать с цыганом. «Нэшнл джиографик» разгонял тьму в нашем подвале, растапливал лед на улице, поднимал низкие небеса над нашей прерией. Когда в школе девочка по имени Эрика громко назвала меня замарашкой, я лишь пожала плечами, будто это меня не касается. Я знала, что когда-нибудь уеду отсюда, далеко-далеко от школы и всех этих девочек.

Однажды вечером, незадолго до начала учебы в пятом классе, я и Кэрри Кроуфут вышли побродить по городу. Кэрри, красивая девочка из племени блэкфут, годом меня старше, была чуть ли не единственной моей подругой. У нее были длинные черные волосы, глаза-миндалины и длинные жесткие ресницы. Она доводилась дальней родственницей Расселу. Они с матерью и братом тоже перебрались из резервации Санчайлд в Силван-Лейк. Они жили за магазином, через пару номеров. Кэрри не ходила в школу.

У десятилетней Кэрри не было денег, но зато, при всей ее грубости, имелось обаяние. Она безнаказанно дерзила владельцу магазина, который продавал нам жвачку со скидкой, и хвасталась своими драками в резервации. Послушать ее, так она избила чуть ли не всех детей, что там жили.

Но она мне нравилась. Приходя к нам домой, она не пугалась нашей обшарпанной мебели и пьяных кузенов Рассела, развалившихся на креслах в гостиной. Угощение в виде заварной лапши приводило ее в восторг. «Класс!» – говорила она. А еще Кэрри объяснила мне, что такое минет.

Мы брели по Лейк-Драйв в сторону аттракционов. С озера дул холодный ветер, как всегда в начале сентября. Туристы разъехались. Улицы опустели, машины стали редки. Кэрри шла и жаловалась на скуку в Силван-Лейк, говоря, что ей хочется обратно в Санчайлд. Она завидовала мне, потому что выходные я провожу у отца в Ред-Дире.

Я отвечала, что это она напрасно, а сама всякий раз считала дни до следующей поездки. Дома у отца был мягкий ковролин на полу и толстые стены. У меня была своя спальня, кровать, покрывало с оборками, кассетный плеер, на котором я слушала «Нью Кидз он зе Блок», и целая коллекция приключений и комиксов. Но Кэрри я об этом не рассказывала.

У причала покачивались в доках моторные лодки. В парке было пустынно. Водяная горка, осушенная на ночь, маячила в розовом закатном небе, как скелет.

– Ты когда-нибудь там была? – спросила Кэрри, пиная закрытый билетный киоск.

Я покачала головой.

Тогда Кэрри взобралась на мусорный ящик поблизости, а оттуда – на высокую стену лабиринта, что огораживала парк с одной стороны. А потом исчезла внутри. Я услышала, как ее кеды упруго стукнулись об асфальт и она засмеялась.

В детстве я была страшной трусихой. Я боялась темноты, незнакомцев, боялась сломать ногу или руку, боялась врачей, боялась полицейских, когда те приезжали утихомиривать Рассела и компанию, если тем случалось особенно разбушеваться. Боялась высоты. Боялась принимать решения. Я не любила собак. Больше всего я боялась стать посмешищем. И в тот момент я была уверена, что это катастрофа. Из страха, что Кэрри станет надо мной смеяться, я влезу на стену, у меня закружится голова, я упаду вниз и переломаю себе все кости. Приедет полиция – все незнакомые и с собаками. Разумеется, все это произойдет в темноте. А еще придется обращаться к врачу.

Я была готова повернуться и бежать домой, но вокруг было уже темно, и Кэрри звала меня из лабиринта. Так что я взгромоздилась сначала на ящик, потом перелезла на стену и прыгнула.

Когда я приземлилась рядом с Кэрри, та бросилась бежать. В сумерках ее волосы отливали синевой. Внутри на стенах были кое-как нарисованы яркие клоуны, ковбои, глупые чудовища – все, что способно вызвать восторг и легкий ужас у маленьких детей.

Мы с Кэрри дружили всего полгода. Весной ее мать решила вернуться в Санчайлд. К тому времени я стала больше интересоваться школой, потому что меня определили в группу способных учеников, где занимаются по усиленной программе. У меня появились друзья среди одноклассников. Я отдалась от Кэрри, которая совсем не стремилась учиться. Несколько лет спустя, когда я была уже в старших классах, бабушка сказала мне, что Кэрри родила ребенка. О ее дальнейшей судьбе я ничего не знаю. Вскоре все резко переменялось. Вышло так, что наша семья рассталась со многими знакомыми, включая Рассела и Кэрри.

Но в ту ночь, в лабиринте, было невозможно оставаться на месте. Мы мчались вперед как ветер, уходили в штопор на поворотах, со скрипом тормозили, если внезапно попадали в тупик. Вспоминая это наше приключение, я думаю, что мы должны были визжать от страха и восторга, но в действительности двигались молча, сосредоточенно, под топот собственных ног и шелест курток. Волосы Кэрри развевались на бегу, замирая вместе с ней лишь на долю

секунды, когда она притормаживала, чтобы сделать разворот или решить, в какой коридор броситься дальше. Но под конец мы все-таки позволили себе расслабиться и забыть о темноте, о том, что мы проникли сюда незаконно, забыть все страхи и сомнения и полностью предаться новой игре.

На Рождество компания, где работал Рассел, устраивала большую вечеринку в одном из ресторанов Ред-Дира. Не первую неделю мама после работы заезжала в Паркланд-Молл и рассматривала платья в отделе распродаж. Дома она объявила, что садится на диету.

В углу гостиной мы поставили елку – точнее, не елку, а облезлую сосну, купленную на рождественском рынке возле «Фуд-Сити». Еще мама сходила в Рождественское бюро – благотворительную организацию, которая помогает бедным встретить Рождество по-человечески, – и подписала бумагу, подтверждая, что она мать-одиночка с тремя детьми и зарплатой семь долларов в час, и там ей выдали бесплатные подарки, перевязанные цветными кудрявыми ленточками. Эти подарки подбирали и оборачивали чужие люди – волонтеры. Мама положила их под елку. Я знала, что мне предназначаются два, потому что они были подписаны: «Девочка, 9 лет».

За несколько дней до вечеринки мама сделала новую завивку. Свое новое платье – черное с блестками – она повесила в шкаф в спальне, и я уже успела его хорошенько пощупать.

И вот наступила пятница. Рассел принял душ, надел черные брюки и чистую рубашку с воротником, которую застегнул на все пуговицы. Затем налил виски и сел на диван, усадив к себе на колени упирающегося Натаниэла.

Мы ждали маму.

В спальне гудел фен. Щелкали клавиши магнитофона, трещала перемотка: Марк и Стиви слушали свои любимые песни, то и дело меняя кассеты. Я сидела на полу и делала домашнее задание по математике. Натаниэл с игрушечным медведем в руках стоял у телевизора, прижавшись носом к экрану, и сквозь шум пытался расслышать, что говорят.

Рассел приканчивал вторую порцию виски. После третьей он закинул ногу на ногу и стал добродушно напевать: «Ло-о-о-о-ри, Ло-о-о-о-ри!»

Когда мама появилась в коридоре, мы все обернулись. Черное платье впереди было короткое, а сзади длинное, спадающее на пол массой кружевных оборок. Ее стройные ноги в новых туфлях эффектно сверкали на ходу. Ну как в кино!

Рассел поднялся с дивана ей навстречу. Мамины щеки разругались, глаза блестели, на губах ярко алела помада. Черная ткань подчеркивала гладкость и мраморную белизну ее бледной кожи. Мы затаили дыхание, ожидая, что скажет Рассел.

– Просто отпад! – сказал он. – Ты выглядишь потрясающе!

Мама и впрямь была похожа на кинозвезду. Она улыбнулась и подала ему руку. Потом поцеловала нас и пожелала спокойной ночи. Я помню, как мы буквально ошалели от восторга, представляя себе, как здорово они проведут время.

Рассел поставил свой бокал, накинул маме на плечи норковое пальто – наследство прабабушки на два размера больше, чем нужно, – и они ушли.

Ночью мы смотрели фильмы из нашей видеокolleкции – «Трое мужчин и младенец в люльке» и нового «Бэтмена». Я приготовила для всех попкорн. «Где-то в Ред-Дире мама танцует с Расселом. Там большой зал, блестящие люстры и шампанское в широких бокалах» – так думала я, пока меня не одолела дремота. Несколько раз я погружалась в сон, затем просыпалась и, наконец, резко очнулась и увидела, что экран телевизора погас, а Натаниэл прикорнул на полу у моих ног. В квартире было тихо. Я отнесла брата в спальню, уложила его, сонного, на кровать, вскарабкалась к себе на второй ярус, по-прежнему ощущая вкус праздника, и крепко уснула.

То, что произошло потом, можно отнести к разряду ночных кошмаров. Хотя бы потому, что это всегда случалось среди ночи. Мамины крики вторгались в мое спящее сознание, разрывая в клочья облако сна, и вскоре я, как ни цеплялась за его остатки, ничего не могла поделать. Я окончательно просыпалась.

Что-то грохнуло у нас в гостиной. Раздался пронзительный вопль. Затем хрип. Мне были знакомы эти звуки. Она дала ему сдачи. Иногда по утрам я видела царапины у него на шее. Рассел кричал высоким истерическим голосом, грозился вырвать ей глаза, залить кровью всю квартиру, изуродовать, чтобы никто ее не узнал.

– Сука! – верещал он.

Затем я услышала громкий тупой стук – это перевернулся диван. Мама бросилась из гостиной в коридор. Я слышала ее тяжелое дыхание за нашей дверью, а потом он схватил ее и швырнул об стену. Он тоже тяжело и громко пыхтел.

На нижней кровати заплакал Натаниэл.

– Ты что, испугался? – шепотом спросила я, глядя в темный потолок. Жестоко задавать такие вопросы шестилетнему ребенку.

Прежде мы пытались им помешать. Едва все начиналось, мы с криками выскакивали из наших комнат, но они только больше злились. Их глаза чернели от бешенства. Они скрывались у себя в спальне и с грохотом захлопывали дверь. Если мама и нуждалась в нашей помощи, она никогда бы не призналась. Иногда я слышала, как в коридоре Стиви говорит брату: «Эй, хватит. Перестань, Расс». Но он тоже робел перед их гневом. В конце концов кто-нибудь из соседей вызывал полицию.

Несколько раз нас с мамой отвозили в приют в Ред-Дире. Она клялась бабушке и дедушке порвать с Расселом, но вскоре они помирились, и все начиналось заново. В приюте был блестящий линолеум на полу, много детей и хорошие игрушки. Но папа почему-то выглядел смятенным, когда приезжал нас оттуда забирать.

Рождественская вечеринка продолжалась недолго и завершилась объятиями примирившихся сторон. Мой попкорн валялся на полу по всей гостиной, диван треснул, а в стене появилась свежая вмятина. Все это мы уже проходили. Наутро Рассел станет со слезами просить прощения у каждого из нас. Несколько недель он проведет в раскаянии – будет сидеть на диване, опустив голову, и разговаривать с Богом, как в церкви, куда ездят бабушка и дедушка: *Боже милосердный, да благословен будет Сын Твой, сохрани мя от всякого искушения противного, да пребудет царствие Твое ныне и присно и во веки веков. Аминь*. Вечером он демонстративно отправлялся на собрание «Анонимных алкоголиков». В течение нескольких недель, пока Рассел каялся, власть принадлежала маме. Она командовала им, велела убирать свою одежду и пылесосить пол.

Но вскоре стрелка на невидимом внутреннем манометре начинала подрагивать, клониться обратно в красную зону. Чувство вины испарялось. Однажды мама уходила в парикмахерскую и чересчур, по мнению Рассела, задерживалась.

– Почему так долго, Лори? – спрашивал он резким, как нож, голосом, когда она возвращалась. – С кем ты встречалась? Ишь нарядилась, шлюха!

Мама резко побледнела, понимая, что игра окончена, что ждать осталось недолго – может быть, сегодня или через три недели он снова на нее нападет.

Я не понимала этого. И никогда не пойму. Все, что я могла, – это отстраниться. К тому времени, когда погасли все огни и все утомонились, меня уже не было. Я мысленно поднялась по лестнице и воспарила в небо. Внизу подо мной проплывали шелковые пески и бурлящие морские воды моей коллекции «Нэшнл джиографик», леса, полные зеленоглазыми ночными существами, древние храмы на вершинах гор. Я видела орхидеи, морских ежей, ламантинов,

шимпанзе, маленьких аравиек на качелях. Я смотрела в микроскоп, где пузырятся клетки, готовые вот-вот сотворить чудо. Я видела сикстинских ангелочков и воинов народа масаи. Мой мир был далеко.

Глава 2. «Дринк»

Когда мне исполнилось девятнадцать, я переехала в Калгари. Любой, чье детство прошло в Альберте, уверен, что Калгари – это большой город, полный возможностей, стоящий в кольцах хайвеев под лесом из стеклянных башен. Еще это город-нефтяник, где биржевые маклеры и менеджеры энергетических компаний день и ночь качают и продают нефть, огромные запасы которой находятся в земле у них под ногами. Я приехала в 2000 году, в самое тучное для города время. Цены на нефть росли как на дрожжах: в течение года они удвоились, а под конец утроились. Калгари процветал. Повсюду шло строительство, наперегонки открывались шикарные рестораны и магазины.

Мой бойфренд Джеми, выросший на ферме к югу от Ред-Дира, приехал со мной. Он был годом старше меня. Мы начали встречаться восемь месяцев назад. Темноглазый и темноволосый, он был красавчик в стиле Джонни Деппа. Мне казалось, что он даже симпатичнее. У него были узкие плечи и сильные руки, которые помогли ему освоить профессию плотника.

Мы любили бродить по секонд-хендам, покупая одежду, которая, как мы считали, подчеркивает нашу индивидуальность. Джеми носил ковбойские рубашки с перламутровыми пуговицами, а я – все блестящее и вдобавок огромные серьги. Джеми умел играть на всех инструментах, от губной гармошки до банджо и скрипки. Он распевал любовные песни под гитару. Когда нужны были деньги, он нанимался на стройку, но чаще всего сидел дома, рисовал или музицировал. Я была от него без ума и верила, что в Калгари ему удастся записать CD или даже заключить контракт на несколько дисков. Я считала, что город даст нам новый старт, но вот только для чего – я пока не представляла.

Мы сняли однокомнатную квартиру в грязной многоэтажке в центре. Кроватью нам служил матрас на полу. Джеми покрасил стены в ванной желтой краской, я расставила на подоконнике горшки с цветами. Жизнь в один момент переменялась – стала городской, взрослой. Но и чертовски дорогой. Я нашла работу в магазине одежды, в той же сети, где работала, будучи ученицей старших классов. Джеми, который хотел устроиться на стройку, временно пошел мыть посуду в «Джой Томатоз» – модный ресторан в молле «Ю-Клэр Маркет». наших совместных доходов едва хватало на оплату квартиры.

В один из дней, вскоре после нашего приезда в Калгари, я надела зимнее пальто – то есть винтажный кожаный пиджак с огромным меховым воротником – и вышла на улицу, держа под мышкой конверт с кучей резюме. Я хотела попытать удачи в должности официантки. Я никогда не работала в ресторане, но, увидев девушек из «Джой Томатоз», почувствовала смешанное чувство зависти и восхищения: они рассекали по залу на шпильках. Джеми говорил, что они зарабатывают много денег.

День был холодный, дул пронизывающий ветер, и первое место, куда я зашла – просто думая немного согреться, – был японский ресторан с черным блестящим суши-баром и люстрами в виде фонарей. Стояло послеобеденное затишье. В динамиках тихо пульсировала музыка техно. В дальнем углу сидели несколько человек, собравшихся, по-видимому, на деловой ланч. На столе перед ними были разложены бумаги.

Я робко подала свое резюме грациозной японской официантке, промывчав, что я в городе недавно, поблагодарила ее и повернулась, чтобы уйти, уверенная, что мне откажут.

– Эй, постойте! – вдруг окликнули меня.

Ко мне подошел один из мужчин, сидевших за столом в углу, лет тридцати на вид, с выдающейся челюстью и квадратным подбородком, как у Супермена.

– Вы ищете работу? – спросил он.

– Э-э... да, – ответила я.

– Считайте, что нашли.

Это был Роб Свицерски, менеджер ночного клуба «Дринк», который находился в нескольких кварталах от японского ресторана и принадлежал тому же ресторатору. Роб предложил мне разносить коктейли. Я заколебалась. Нет, я была польщена его предложением – друзья, бывавшие в Калгари на вечеринках, говорили мне, что «Дринк» – дорогое и модное место, – но я хотела работать в ресторане, а не в клубе. Считалось, что ресторан престижнее.

Когда я отказалась, Роб рассмеялся:

– Выходит, деньги вам не нужны? Попробуйте поработать хотя бы неделю, даже одну смену. Не понравится – уйдете.

Мы договорились, что я приду на следующий вечер. Он даже не спросил у меня резюме.

«Дринк» занимал угол квартала, с рестораном и пятью барами, предлагавшими сорок видов мартини. С высокого потолка свисали горящие, как созвездия, люстры. Посреди бара был деревянный танцпол и лестница, ведущая в огороженную бархатными канатами ВИП-зону. Посетителей обслуживали двадцать официанток, все красотки в туфлях на высоких каблуках и в стильных платьях. Они разносили напитки на маленьких круглых подносах с резиновыми накладками, чтобы стекло меньше скользило. Несколько девушек представились, прочие лишь взглянули на меня довольно холодно. Вскоре я узнала, что тут конвейер из официанток, потому что многие не справляются с выполнением заказов, проливая напитки, а другие не способны соответствовать имиджу заведения, который Роб определял на рабочих собраниях раз в неделю как «стиль и секс».

– Если вы выглядите дешево, то до свидания.

Под командой Роба «Дринк» превратился в самый модный клуб города. По вечерам сюда стремился весь корпоративный Калгари, смешиваясь с более гламурной, отвязной публикой, активно практикующей пикап. Сюда после матчей приходили игроки НХЛ, заезжие рок-звезды, нефтяные бароны швырялись тут деньгами. По выходным у входа образовывалась очередь пятеро в ряд, длиной в целый квартал.

В первую ночь я работала с десяти до двух. Я надела туфли на шпильках, длинные золотые серьги и свое лучшее платье. Мне дали поднос, объяснили, как принимать заказы и печатать чеки, и поручили для начала обслуживать тихий уголок у дальней стены бара. Я бегала туда-сюда, между баром и пятью столиками,нося охлажденные мартини и толстые бокалы виски. Мои клиенты – с виду бизнесмены – вежливо благодарили и протягивали свои кредитки. В конце смены коллега по имени Кейт показала мне, как на компьютере вычитать из оплаты мои чаевые. За четыре часа я заработала пятьдесят долларов, в дополнение к жалованью, и была на седьмом небе от счастья. Вот только Джеми, узнав, что я работаю официанткой в баре, разозлился. «Ничего, – думала я, – пусть привыкает. Деньги есть деньги, и не важно, где их зарабатываешь».

– Ну, как успехи? – поинтересовалась Кейт, заглядывая мне через плечо. – Ой, – болезненно поморщилась она, увидев общую сумму выручки, – сурово.

Я не поняла, что это значит.

Так я разбогатела за одну ночь. Во вторую ночь мне снова поручили этот мертвый угол, но вскоре там появилась группа шумных брокеров, которые начали заказывать «Кристал» ценой три сотни за бутылку. Домой я вернулась под утро, заработав пятьсот долларов чаевых. В течение следующих месяцев я выросла до обслуживания крупных секций при большом наплыве посетителей. Я купила красивые туфли и несколько элегантных коктейльных платьев. В хорошую смену я получала семьсот долларов, а в самую лучшую – тысячу. Банкноты я прятала в жестяную коробку в кухонном шкафчике, а когда коробка заполнилась, стала совать их в

морозильник. Пока одна официантка не сказала мне, что воры первым делом ищут деньги в морозилке. Тогда я завела счет в банке.

Я подружилась с другими девушками, научилась у них профессиональным хитростям – например, как улыбками и знаками внимания заставить клиента раскошелиться на чаевые. Особенно меня тянуло к Присцилле, которая зарабатывала больше остальных. Деньги она тратила на путешествия в экзотические страны. Когда мы с ней познакомились, она как раз вернулась из Таиланда – мне казалось, что это невообразимо далеко. Присцилла показала мне, как приручить группу постоянных посетителей – хороших клиентов, которые будут заказывать напитки только у тебя, – как обслуживать их по ВИП-разряду, придерживая для них столики и подавая им напитки не в пластиковых стаканчиках, а в тяжелых стеклянных бокалах, принесенных из бара наверху.

Первое время я наслаждалась свободой, которую дарят деньги. Я уволилась из магазина. Джеми изредка подрабатывал на стройках, но чаще оставался дома, чтобы побыть со мной в мое свободное время. Иногда он выступал в соседнем кафе, где был свободный микрофон, и всегда срывал аплодисменты. Он смирился с тем, что я работаю в «Дринке», но не хотел сходить посмотреть на меня.

Наши дни проходили однообразно. Приготовив ужин, я на час зависала перед зеркалом, пока Джеми в соседней комнате читал или музицировал. Я готовилась к рабочей смене, точно мне предстояло выйти на сцену в театре. У меня был целый гардероб черных платьев и не меньше тонны косметики. Это было несложно. Надеваешь самые высокие шпильки, делаешь высокую прическу, красишь глаза и губы. Ты должна выглядеть не просто привлекательно, а сногшибательно, чтобы все мужчины хотели тебя, а все женщины завидовали, пусть ты всего лишь играешь роль. Дабы набить себе цену, некоторые девушки несколько месяцев откладывали чаевые и делали операцию по увеличению груди, но я прибегала к старому проверенному трюку – я надевала два бюстгалтера: один с чашками на подкладке, а поверх еще пуш-ап. Было ощущение, что грудь мне сдавливает железный обруч, но своей цели я добивалась.

После работы многие девушки отправлялись в другие клубы, где развлекались до утра, а я торопилась домой, лечь под бочок к спящему Джеми. Утром мы выходили на прогулку, чаще всего выбирая маршрут по набережной вдоль Боу. Если Джеми не надо было на работу, мы обедали в дорогом ресторане. Я нашла букинистический магазин неподалеку от нашей квартиры и скупала там дешевые книжки в мягкой обложке. Впервые в жизни у меня появился собственный банковский счет и довольно денег, чтобы оплатить год учебы в университете. Мне было девятнадцать лет. Наверное, следовало начать строить карьеру – составить амбициозный план на будущее и, обложившись учебниками, приступить к его выполнению. Но меня это не интересовало. Я не хотела стать как те типы в скучных костюмах, что каждое утро шагают по нашей улице на работу в офисы, а десять часов спустя собираются в «Дринке». Им едва за двадцать, а они держатся и выглядят как пятидесятилетние. «Боже, ну и дерьмовый день был сегодня, – стонут они, плюхаясь в кресло, – принесите мне скорее «буравчик».

Из дома пришли хорошие новости: последний мамин бойфренд – садист по имени Эдди, с которым она жила в Ред-Дире, – получил тюремный срок за вымогательство. Я и братья восприняли это известие с облегчением. Рассела мама бросила, еще когда мне было двенадцать, но ее по-прежнему тянуло к неуравновешенным мужчинам. Поэтому я, учась в старших классах, почти все время жила у отца и Перри, купивших дом в Силван-Лейк. Марк снимал жилье в складчину с друзьями, и только Натаниэл оставался с мамой. Мы все ее любили, и всякий раз, когда у нее появлялся новый друг, очень волновались.

Маме было уже за сорок, но в ее темных волосах не было и намека на седину. После того как Эдди посадили, я раз в несколько недель навещала ее, приезжая из Калгари на автобусе. Она сняла небольшой домик в Ред-Дире и нашла приличную работу в приюте для трудных

подростков, опекаемым одной из благотворительных католических организаций. Она читала книги по самопомощи и училась медитировать. Говорила, что копит деньги на путешествие, что начинает новую жизнь. Мы с Джеми, бывало, шутили, что мое детство – идеальная тема для ток-шоу Джерри Спрингера: мать, которую тянет к мужчинам дурных наклонностей, отец – один из первых открытых геев в городе, верующие бабушка и дедушка, склонные впасть в религиозный экстаз, братья, имеющие проблемы с наркотиками. Тут хватит сюжетов не на одну передачу, а на целый сезон. У меня тоже были проблемы. Я часто морила себя голодом, чтобы оставаться стройной. Помешалась на подсчете калорий. Делила порцию на две части, на четыре части и съедала только половину. Так продолжалось довольно долго, но потом я срывалась и наедалась до отвала, после чего приходила в ужас и искусственно вызывала рвоту. Типичный случай из учебника по проблемам неблагополучных семей.

И все-таки мы старались. В тот год, когда Эдди уехали в тюрьму, папа решился позвать маме и пригласить ее к себе на Рождество. Они стали терпимее относиться друг к другу, смягчившись за годы вынужденного общения по поводу школьных уроков и покупки одежды и обуви для детей. Кроме того, отец и Перри были, можно сказать, давно и счастливо женаты, как обычная семейная пара, и мама наконец смирилась.

И вот утром накануне Рождества она переступила порог их дома, где над дверью был венок из мишуры и атласный красный бант, и стала с улыбкой извиняться, что не смогла купить нам подарки. Но она принесла кое-что другое. Это были письма, старательно набранные на компьютерной почтовой бумаге, с цветными рождественскими гирляндами на полях. И каждому, включая отца и Перри, она дала по письму. Я развернула свое письмо и стала медленно читать. В письме мама вспоминала несколько лучших моментов своей жизни, счастливых беззаботных мгновений, например, когда мы с ней дурачились перед зеркалом, лохматили друг другу волосы в нашей подвальной квартире в Силван-Лейк. Она выражала свою любовь и надежду на то, что мне в жизни повезет и что меня ждут большие приключения. Не знаю, что она написала остальным. Но только все мы молчали, и кое-кто даже всхлипнул.

С тех пор мы стали на Рождество собираться вместе. Мы не были дружной семьей, но, несомненно, по-своему любили друг друга.

Глава 3. Путешествие

– Джеми, давай куда-нибудь съездим? – предложила я однажды летним вечером, когда мы валялись у реки на одеяле.

Мы жили в Калгари уже девять месяцев. Я издергалась и устала. Каждое воскресенье я просматривала объявления от турагентств в рекламной газете: вокруг света за восемьсот долларов, дешевые путевки «все включено», авиабилеты со скидкой в самые дальние страны, в города, о которых я и слыхом не слыхивала. И все в таком роде.

Джеми молча лежал на спине, демонстрируя мне свой безупречный профиль, и созерцал плывущие в летнем небе облачка. Я любовалась им, его ровным носом, гладкостью кожи, медовым цветом глаз. Но я не понимала его. Он был для меня загадкой. Он порой неделями не работал, мог бесцельно слоняться по городу, пропадал в музыкальных магазинах и секонд-хендах, и это меня раздражало.

– Куда ты хочешь поехать? – спросил Джеми.

– Куда угодно, мне все равно. Главное – поехать.

На его лице расцвела задумчивая улыбка, которую я так любила, и его длинные пальцы нежно сжали мое плечо.

– Давай, – сказал он, – куда угодно – это здорово.

На следующий день я отправилась в большой букинистический магазин «Ви Бук Инн», чтобы покопаться в старых выпусках «Нэшнл джиографик». На самом деле я хотела поехать в Африку, но для начала это все-таки было далековато. Я еще ни разу не была за границей, если не считать поездок в Диснейленд в детстве, один раз с папой, второй – с мамой после их развода. Джеми никогда не выбирался за пределы Канады. Я вытащила толстую подшивку журналов, села с ними на пол и стала выбирать направление.

Что же нам посмотреть? Иерусалим? Тибет? Берлин? «Нэшнл джиографик» имеет одну интересную особенность. Каждый его сюжет представляет что-то потерянное, неисследованное, мистическое или дикое. *Вы там, а мы-то здесь*, – как бы говорит журнал. Но не с целью раздражить домоседа-читателя, а с целью послужить его представителем в этих далеких землях. Оформив подписку или купив журнал, человек тем самым отдает дань уважения внешним границам мира и всем, кто его населяет. «Спасибо, я посмотрел, что это существует на свете, и мне нет нужды убеждаться в этом лично», – думает читатель, переворачивая последнюю страницу.

Но только не я. В одном выпуске была статья о Боливии и Мадиди, маленьком заповетнике в верхнем бассейне Амазонки, где попугаи порхают среди махагониевых деревьев. В другой статье я увидела водопады под белым туманом в джунглях Парагвая. Я нашла старый экземпляр, который читала в детстве, с рассказом о таинственном высокогорном плато Рорайма, покрытом кварцевыми кристаллами, где-то в Венесуэле. Одни названия чего стоили! По пути домой они звучали у меня в голове, как стихи, заставляя забыть скучные привычные наименования мест, где я живу и где выросла. Мадиди. Венесуэла. Парагвай. Все, решено! Не город, не страна, не побережье. Целый континент. Мы едем в Южную Америку!

Бюро путешествий «Адвенча Трэвел» находилось в паре кварталов от «Дринка». Две женщины сидели за компьютерами, окруженные миниатюрными колизеями из туристических проспектов в блестящих обложках. Дешевле всего из Калгари было добраться до Каракаса, столицы Венесуэлы. Шел сентябрь 2001 года. Я забронировала два билета на январь туда и обратно через шесть месяцев, расплатилась наличными и вздохнула с облегчением. Будущая поездка постоянно возникала в наших разговорах. Мы с Джеми все время повторяли: «Вот

когда мы поедem в Южную Америку...» или «Вот когда мы отправимся в путешествие...». В букинистическом магазине я купила путеводитель «Лонли плэнет» («Одинокaя планета»), толстый, как Библия, выпущенный пять лет назад, и мы с Джеми, страница за страницей, принялись изучать его. Мы воображали, как пробираемcя сквозь заросли в джунглях, идя к снежным пикам под ослепительным солнцем, и дорогу нам указывают проводники из племени кечуа. В одном разделе говорилось о змеях и насекомых, например, плотоядных мухах, которые могут пробуравить кожу где-нибудь на ноге и прогрызть дальше целый тоннель, и о питонах, свешивающихся с деревьев. Брр! Мы слегка занервничали. Еще был раздел об опасностях, подстерегающих туристов в городе. Нас предупреждали, что на улицах мы можем стать жертвой карманников, наш номер в гостинице могут ограбить, нас могут развести на деньги мошенники от благотворительности, собирающие средства в помощь какому-нибудь несуществующему сиротскому приюту. Малярия, лихорадка, бандиты с большой дороги, жулики всех мастей, автомобильные аварии – об этом нам приходилось выслушивать от родителей, которые сочли своим долгом хорошенько напугать нас перед поездкой. Словом, мы готовились к худшему, – к тому, что мы почитали за худшее, – потому что это казалось нам необходимой частью подготовки, по причине врожденного авантюризма.

И вот одним холодным зимним утром в январе 2002 года мы с Джеми улетели в Южную Америку. К тому времени мир стал значительно более опасным. Тысячи людей погибли 11 сентября. По телевидению говорили о джихадистском подполье, об угрозе эпидемии сибирской язвы, об оси зла. Перед Рождеством террорист захватил самолет в Париже и безуспешно пытался взорвать свой ботинок. Несколько недель спустя журналист «Уолл-стрит джорнал» по имени Дэниэл Перл отправился в Пакистан, планируя расследование, связанное с финансированием обувного террориста. Его похитили и обезглавили. То, что несколько месяцев назад невозможно было себе представить, стало ужасной реальностью.

Но нас ничто не останавливало. Хотя, сидя в аэропорту Калгари, я гнала прочь мысли о смерти и несчастьях, которые так и лезли в голову. Южная Америка – это не Ближний Восток, убеждала я себя. Это даже не Америка. Наш маршрут пролегал через Венесуэлу в Бразилию и затем в Парагвай. Одежду мы упаковали в специальные безвоздушные пакеты, отчего она стала плоской и твердой, – чтобы взять больше других вещей, необходимых в тропическом климате, – спрея от mosкитов, крема от солнца, противогрибковой жидкости для обуви и огромную бутылку кетчупа плюс пакетики соли и перца, которые мы собирали в фастфудах не один месяц.

Перед отъездом я съездила навестить бабушку и дедушку. Бабушка дала мне огромную банку антибактериального геля и несколько пластиковых коробок «Тапперуэр», которые я тоже, кажется, впихнула в чемодан. На прощание она жизнерадостно осудила мои планы на путешествие и мою любовь к коротким юбкам и высоким каблукам.

– Надеюсь, ты понимаешь, что там нельзя одеваться так, как здесь? – спросила она, когда я поцеловала ее в щеку.

Из гостиной, где по-прежнему стояло старое пианино и бабушкины алые керамические розочки, раздался голос дедушки, сидевшего в кресле с откидной спинкой:

– Надеюсь, ты понимаешь, что если с тобой что-нибудь случится, то денег, чтобы помочь тебе, у нас нет.

Но я пропустила его замечание мимо ушей.

Глава 4. Она существует

Ночной Каракас мало походил на город в тропиках, который рисовало мне воображение. Таксист говорил по-английски, называл местные достопримечательности, если таковые попадались по пути. Большинство зданий были закрыты на ночь. Вдоль широких бульваров росли пальмы с тяжелыми, низко свисающими листьями. На первый взгляд город был спокойный, зеленый, необычный.

Наверное, был подходящий момент, чтобы влезть под мышку к Джеми, чмокнуть его ладонь и промурлыкать что-нибудь вроде «как я рада, что мы наконец добрались, преодолев за один день этот немыслимый земной изгиб, который начинается в ледяной Канаде и заканчивается во влажной жаре другого полушария». Но я не решилась. Потому что все-таки это был неподходящий момент. Признаться, я была напугана тем, что произошло.

Наутро мы проснулись в номере трехзвездочного отеля, который нам заранее заказал агент, самом дорогом месте, где мы когда-либо останавливались. Я раздвинула шторы и выглянула в окно. Прямо напротив торчал огромный рекламный щит «Пепси». Дальше были небоскребы, в небе летел самолет. Внизу на улице сидели в машинах люди и тупо глядели вперед, ожидая, когда на светофоре зажжется зеленый. До ужаса знакомая картина... Ни тележек, запряженных ослами, ни попугаев, ни тростника, ни очаровательных старушек в блузках с рюшами и кружевами на голове. Разве что воздух был незнакомый – тяжелый и влажный, отдающий болотом.

Я раскрыла окно и посмотрела вниз. На тротуаре смуглые мужчины в бейсбольных кепках продавали фрукты: апельсины, персики, папайю и еще что-то неведомое.

– Джеми, взгляни, – позвала я.

Он подошел и посмотрел мне через плечо.

– Может, купить?

Джеми был вечно голоден.

Я вспомнила, что говорилось в путеводителе насчет фруктов и овощей, как тщательно нужно все мыть и чистить. Бактерий я боялась не меньше, чем террористов, бандитов и одиночества. Я планировала есть в путешествии только хорошо проваренный рис и бобы, приправляя их привезенным с собой кетчупом, и тщательно мыть руки.

– Давай не будем, – сказала я.

Первый урок мы усвоили быстро: если вашему путеводителю пять лет, то рано или поздно он вас обязательно подведет. В то время как «Хилтоны» и «Шератоны» с их шведским столом и бассейнами вечеринками по пятницам, с живой музыкой марьячи останутся на своем месте до скончания веков, гостиницы вроде «Эрмано» и «Посада Гуаманчи» на улице, где номера сдаются по восемь долларов ночь, как появились, так и исчезнут.

Хозяйка, которая когда-то подавала на завтрак гостям чуррос с ломтиками манго и горячим кофе, уезжает на неопределенное время в гости к внукам. Старик, владелец «безукоризненно чистого и гостеприимного» мини-отеля у автобусной станции, передает дело своему сыну, которого мало волнуют пауки, тараканы и плесень в ванной, гораздо меньше, чем загорелые молодые туристки, с которыми надо еще где-то устроиться на ночь.

Первые недели в Венесуэле мы с Джеми проходили целые мили, истекая потом под рюкзаками, в поисках обменников с низкой комиссией и двухзвездочных гостиниц, которые давно превратились в массажные салоны или мастерские по ремонту мотоциклов. Мы могли два часа прождать на автобусной остановке, успевали изругаться и обгореть лишь для того, чтобы выяснить, что автобус, ходивший здесь во вторник днем, теперь ходит в пятницу утром.

Потом мы поняли, что самую достоверную информацию можно получить от коллег-путешественников, британцев, немцев и датчан, которые рады были рассказать о своих злоключениях, пожаловаться на неудобства за кружкой холодного пива. Мы сидели где-нибудь, отбиваясь от moskitov, и обменивались ценными сведениями. Анна из Португалии знала хорошую прачечную. Австралиец Брэд с восторгом рассказывал о посещении Ангельских водопадов и всем советовал своего проводника. Мы стали более равнодушно воспринимать трудности. Когда не было автобуса, когда в номере не работал душ или вентилятор, я понимала, что такова наша судьба. Путешествие определенно шло на пользу моей страждущей душе, успокаивало нервы.

Однажды ночью мы, поддавшись на уговоры знакомой шведки, согласились примкнуть к группе из девяти туристов, едущих на яхте в Тринидад. Всю дорогу нас страшно мучило. Под утро, когда мы, изнемогая от качки и рвоты, еще затемно добрались до Порт-оф-Спейн, Тринидад, и сошли на берег, портовые власти прямо на пристани арестовали нашего капитана. Нас всех отправили в КПЗ для нелегальных иммигрантов, потому что у нас не было визы. Признаюсь, в этот момент я чуть не разрыдалась.

Но зато я, постоянно находясь в движении, чувствовала небывалую беззаботность и легкость. Я даже отменила запрет на фрукты, которые продавались тут на каждом углу. Мы ели мясистые бананы и сладкие зеленые гуавы. Мы вспарывали ножом толстые дыни, вырезали сладкую желтую мякоть и отправляли в рот. Еще мы начали избавляться от лишнего багажа. Бабушкины пластиковые коробки «Тапперуэр» я раздала женщинам в одной деревне, а бутылку антибактериального геля оставила в грязной гостинице. Также мы раздали кучу одежды. Темные волосы Джеми на солнце сделались медными, кожа покрылась ровным шоколадным загаром. Я тоже загорела и ощущала во всем теле гибкость и легкость, будто была рождена для этого теплого воздуха. У меня снова появились веснушки, как в детстве. Домой мы с Джеми отправляли самые красивые открытки, дополняя виды Венесуэлы восторженными посланиями. «У нас все отлично», – писали мы. На острове Маргарита у северного побережья мы нашли широкие и белые песчаные пляжи и стройные пальмы, шелестящие листьями на ветру. Свою желтую двухместную палатку мы поставили на задворках дешевого отеля, договорившись с администратором, что будем пользоваться их ванной и туалетом – меньше чем за полцены обычного номера. На сэкономленные деньги мы покупали сэндвичи с акульим мясом и ели их на обед, запивая дешевым ромом.

Мы подружились с местной девушкой, регистратором отеля, которая принимала у нас ежедневную ренту. Она хранила наши паспорта в гостиничном сейфе, чтобы их не украли, продавала нам бутылки с водой и румяные эмпанадас – морковные пироги с сыром, привозимые из деревни в бумажных пакетах. На вид ей было лет двадцать. Звали ее Пегги. У нее были круглые щеки, пышный бюст и застенчивая улыбка. Она носила тесные майки и длинные юбки в пол. Бегло щебетала на ломаном английском. Деревня, где она жила, находилась в шести милях от гостиницы. Однажды вечером, когда я вошла в фойе с зубной щеткой и футляром для контактных линз, Пегги предложила:

– Поехали к нам? Познакомьтесь с моей семьей. Мы вас накормим.

Оглядываясь назад, кажется, что наша поездка в гости к Пегги – это мелкий незначительный эпизод, но тогда мы были другого мнения. Мы добрались на такси. У Пегги была огромная семья – дядьки, тетки, орава босоногих кузенов и племянников. Она показала нам местный пляж – пять минут пешком по узкой тропинке среди кустарника, – где мы поставили палатку. Пляж был изумительный: огромный полумесяц белого песка у входа в пещеру, обрамленный изогнутыми пальмами, и никаких следов пребывания человека – ни крышек от газировки, ни прочей дряни, что волны обычно сносят к берегу, ни яхт на горизонте. На ужин Пегги принесла нам корзинку свежих эмпанадас и ананас, нарезанный дольками, и ушла. Мы остались одни. Небо окрасилось в малиновый цвет, крепчал вечерний бриз. Одиночество пугало и

будоражило нас. Мы бродили по щиколотку в теплой воде, наблюдая, как на мелководье резвятся стайки голубоватых рыбок. Сейчас, в ретроспективе, мы бы сами себя не узнали: юноша и девушка, внезапно оказавшиеся среди канонического первобытного рая, в полном уединении, проводящие время бесцельно и счастливо. Потом мне пришло в голову, что в случае чего помощи отсюда не дозовешься. Деревня, где живет Пегги, находится в стороне от туристических маршрутов. Наверное, ее и на картах-то нет. Никто не знает, где мы, мы никого не предупредили. При этих мыслях моя радость мигом испарилась. Что-то ужасное обязательно должно случиться! Я похолодела от страха. Рано или поздно нас, конечно, хватятся. Копы прочешут местность вокруг отеля, допросят нашего таксиста, приедут в деревню, и Пегги отведет их на пляж, где они обнаружат наши бездыханные тела. Мы погибнем одновременно от удара молнии либо нас смоеет в океан гигантской волной, а потом вынесет обратно на берег. Либо нас ограбят и убьют местные бандиты, а трупы зароют в песок. Но сначала они отконвоируют нас куда-нибудь подальше, чтобы наши тела никто никогда не нашел.

В ту ночь я спала, вцепившись в Джеми, и вскакивала от каждого резкого порыва ветра, шуршащего в пальмовых кронах, и крика лягушки в лесу. Наверное, так спят солдаты на передовой, на острие ножа между экстазом и ужасом.

Мы проснулись, когда утреннее солнце начало поджаривать нашу палатку. Внутри было влажно и душно. Джеми поцеловал меня в лоб.

Мы выжили. На этот раз все обошлось.

Мы продвигались в глубь Венесуэлы, следуя нашему довольно хаотичному плану. Автобусные переезды следовали один за другим. Дорога действовала на нас как наркотик. Кустарники сменялись густыми зарослями тропического леса, где в ветках пестрели алые попугаи-ара. Иной раз мелькала деревушка возле плантации какао.

Последний автобус довез нас до городка под названием Санта-Елена-де-Уайрен, на границе с Бразилией. Ночью мы спали под москитными сетками в комнате хостела, покрашенной в ярко-бирюзовый цвет. Наутро, после небольшого торга, мы наняли в проводники индейца из племени пемон и пешком отправились в джунгли.

После двух дней непрерывного подъема по извилистой, точно американские горки, тропе нашим глазам наконец предстало зрелище, ради которого затевалась поездка: вид с вершины горы Рорайма. Это даже не гора, а скорее огромное плато, каменная платформа длиной в шесть миль, такой ширины и высоты, что даже климат там особый. Стены плато отвесно падают вниз с высоты в несколько сот футов, курятся белые водопады, облака бегут над зелеными долинами. Пять месяцев открытка с этим видом стояла у нас на кофейном столике в Калгари. Выпуски «Нэшнл джиографик», где были фотографии Рораймы, мы хранили как самое большое сокровище. И вот мы попали в Зазеркалье, точно герои фантастического рассказа, мы ползаем по картине, приобретшей третье измерение. Здесь и россыпи розоватых кварцевых кристаллов, и голубые, изумрудные птички колибри, и крохотные доисторические черные лягушки, которыми мы любовались на снимках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.